

Спіс выкарыстаных крыніц

1 О Концепции информационной безопасности Респ. Беларусь : Постан. Сов. Безоп. Респ. Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2 Венидиктов, С. В. Информационное взаимодействие в интеграционных формированиях : структурно-функциональная характеристика пространства медиакоммуникации: монография / С. В. Венидиктов. – Могилев : Могилев. институт МВД, 2019. – 176 с.

3 Седых, Т. Н. Теория «непрямых боевых действий» и возможности ее применения в современных условиях / Т. Н. Седых // Манускрипт. – 2020. – Т. 13. – Вып. 2. – С. 125–130.

УДК 159.9

ОТНОШЕНИЯ «ВЗРОСЛЫЙ–РЕБЕНОК» В КОНТЕКСТЕ ВОСПИТАТЕЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРАКТИК: ПСИХОИСТОРИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

С.Г. Доронина

*Минск, Институт философии НАН Беларуси
(e-mail: svetadoris@mail.ru)*

Аннотация. В статье проводится историческая реконструкция и анализ отношений «взрослый-ребенок» в западной культуре, позволившие выявить закон диалектического развития взрослых и детей, психологические различия которых являются основным критерием их дифференциации. С опорой на концепцию психоистории Ллойда Демоза, автор выдвигает гипотезу о существовании связи между атрибутивными представлениями взрослых о детях и формирующимися на их основании воспитательно-образовательными практиками.

Ключевые слова: проективная идентификация; стиль воспитания; отношения «взрослый-ребенок»; диалектическое развитие; диалогические взаимоотношения.

S.G. Doronina

ADULT-CHILD RELATIONSHIP IN THE COTEX OF EDUCATIONAL
AND EDUCATIONAL PRACTICES: A PSYCHHISTORICAL VIEW

Minsk, Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus

Summary. The author of the article conducts a historical reconstruction of the «adult-child» relationship in Western culture. As a result of a reflexive understanding of the results, firstly, the law of dialectical development of adults and children was revealed, and secondly, the fact of the connection between the psychological differences between a child and an adult, which underlies their differentiation. Based on the concept of psychohistory of Lloyd Demoz, the author puts forward a hypothesis about the existence of a connection between the attributive ideas of adults about children and the styles of upbringing and educational practices that form on their basis.

Keywords: projective identification; parenting style; adult-child relationship; dialectical development; dialogical relationships.

Одна из классификаций, описывающая исторические формы отношений «взрослый-ребенок», представлена американским психологом и историком Ллойдом Демозом в его психоисторической концепции [1]. Согласно этой концепции, способы историко-психологической реакции взрослого на ребенка зависят от скорости протекания психогенной эволюции, обусловленной историческим и социально-культурным контекстом.

Ключевым понятием этой концепции, позволяющим выявить степень «сближения» взрослых и детей, является «проективная идентификация». Л. Демоз вводит это понятие с целью продемонстрировать степень влияния бессознательных попыток взрослого человека проецировать собственные внутренние желания и фантазии на детей и их конституирующее значение в выстраивании отношений «взрослый-ребенок».

По утверждению исследователя, существует шесть способов воспитания детей, отражающих культурно-историческую эволюционную схему «сближения» взрослых и детей, способность взрослых распознавать и поддерживать потребности ребенка [1, с. 83–86].

Первые два стиля воспитания характеризуются высоким уровнем проективной идентификации у взрослых и низкой степенью дифференциации понятий «взрослый» и «ребенок». В *инфантицидном* стиле воспитания (др. античности вплоть до IV века н. э.) ребенок, по мысли Л. Демоза, являлся «сосудом», вмещающим подавленные желания взрослого. В *оставляющем* (IV–XIII века н. э.) – он был копией взрослого, который в свою очередь представлял собой «детскую» личность, состоящую в неосознанных полиморфных социальных взаимоотношениях, конституирующих ее.

Момент исторического разделения взрослых и детей приходится на период конца XV – начала XVIII вв., характеризующийся *амбивалентным* стилем воспитания, возникновение которого совпадает с переоценкой ценностей детства в позднем средневековье. Культ Девы Марии и младенца Христа, позволил по-новому взглянуть на ребенка, который, являясь одновременно и презренным греховным существом, и новым представителем обещанного спасения, призывает взрослых к любви и преодолению отвращения [3, р. 114]. Начиная с XVI в., выходит большое количество книг и руководств по этикету, и, хотя, как утверждает французский историк Ф. Арьес, в это время «чрезвычайно трудно различить то, что предназначено для взрослых, и то, что предназначено для детей» [3, р. 119], последние являются объектом насилия и проективного мышления взрослого.

Характерной чертой *навязывающего* стиля воспитания XVII в. является систематизация и институционализация дисциплинарных практик. Как в кальвинистской теологии, так и либеральных взглядах Джона Локка, взрослые люди считают ребенка примером фундаментальной порочности, характерной для всего человечества. Несмотря на то, что ребенок является рациональным существом, имеющим право на свободу и обращение к Богу, он воспринимается как объект постоянного воспитания, контроля и наказания. С позиции современных концепций детства, навязывающий стиль воспитания посягает на свободу и права ребенка, в то время как в период Нового времени считалось, что данный стиль воспитания и образования является благом для ребенка, поскольку позволяет «формовать» из него воспитанного взрослого человека.

Предположение Л. Демоза о наличии навязывающего стиля воспитания в какой-то степени подтверждается генеалогией немецкого социолога Норберта Элиаса. Путем исследования руководств по этикету, изданных в позднем средневековье, он обнаруживает зарождение новых представлений о стандартах поведения взрослого человека и отличного от него ребенка. Эти правила характеризуются большой дистанцией между правилами и нормами поведения детей и взрослых. В этот период навязывающий стиль воспитания становится основной технологией «переделки» детей, используемой под предлогом заботы [2].

Общий переход от навязывающих стилей воспитания к *социализирующим* происходит в середине XVIII в. Тенденции прежних веков использовать понятие «ребенок» в качестве символа, позволяющего конструировать представления о добре и зле, индивидуальной автономии и социальной гетерономии, обнаруживаются и в элементах романтического движения конца XVIII и начала XIX вв. Однако, в этот период происходит радикальная трансформация представлений о детстве, существенно повлиявшая на современные методы воспитания и образования.

Ребенок романтиков перестает быть символической конструкцией амбивалентных и навязывающих стилей воспитания, а описывается с помощью таких категорий как «гений», «целостная личность», «божественная искра», «невинность» [8]. Ребенок, обреченный на потерю целостности и невинности, представлял собой духовный идеал, цель пожизненного психического и духовного развития взрослого (ностальгия по утраченному экзистенциальному единству «я»), исходную точку, к которой взрослый стремился вернуться. Вследствие таких метаморфоз – под лозунгом «Давайте становиться детьми!» – в середине XIX в. возникают первые институциональные заведения (детские сады, школы, высшие учебные заведения), ориентированные на понимание и удовлетворение потребностей ребенка.

Позже ребенок романтиков появляется в психоанализе З. Фрейда, который установил связь между травмами детства и психологическими проблемами взрослого возраста, что, в свою очередь, привело к появлению идеи здорового баланса между инстинктами и методами воспитания в XX в. Психоаналитический смысл истории детства демонстрирует нерушимое бессознательное желание взрослого человека вернуться к принципам удовольствия, культу тела и игры, которые присущи ребенку.

Эмпатический постмодернистский стиль вносит существенные изменения в способы воспитания и образования детей. Признание ценности и уникальности ребенка, акцентуация на его потребностях, приводит к тому, что появляются воспитательно-образовательные практики, требующие больших временных и энергетических затрат, большого профессионализма взрослых, работающих в сфере воспитания и образования. Эмпатическая реакция на детей приводит к необходимости формирования гуманных диалогических методов интеграции детей в психологический мир взрослых.

Основываясь на признании уникальности ребенка и ценности детского опыта во взрослой жизни, эмпатический постмодернистский стиль вносит существенные изменения в способы воспитания и образования. В этот период институализируются права ребенка и появляются новые формы репрезентации детства: «взрослый ребенок» Н. Постмана, посвященный во все тайны взрослого мира; саморегулирующийся ребенок Ж. Пиаже, Л. Выготского и др., наделенный автономией и когнитивными способностями, развивающимися в процессе ориентированного на него образования; «креативный ребенок» современного итальянского педагога Реджио-Эмилия, являющийся сильной и активной личностью, непосредственно влияющей на развитие взрослых; ребенок-философ, обладающий природными рефлексивными способностями наравне с взрослыми, в движении «Философия для детей» М. Липмана, Г. Метьюза и др. Эти концепции формируют новую междисциплинарную парадигму гуманистического воспитания и образования, ориентированную на интеграцию естественнонаучного и социально-гуманитарного знания.

Все эти образы указывают на реконструкцию понятия «ребенок» в XX в. Ребенок становится разумной личностью, способной к саморегуляции, творчеству, открытиям и т.д., в то время как взрослый человек все больше допускает в свою жизнь элементы детской жизни (становится инфантильным). В позитивном аспекте инфантильность (*Infantia* - лат. младенчество), в терминологии французского философа Ж.-Ф. Лиотара, – это гарантия того, что в человеке остается загадка, свидетельствующая о закате взрослого периода и появлении на арене европоцентристской культуры маргинализированных «других» [5, р. 416], что свидетельствуют о зарождении новых взглядов, новых знаний, касающихся человеческого опыта, в том числе и детского.

Итак, культурно-историческая схема психозволюционного развития Л. Демоза позволяет выявить связь между стилями воспитания и образования, нацеленных на формирование определенных навыков, умений и ценностей, и способностью взрослого человека устанавливать психологически зрелые, понимающие взаимоотношения с ребенком. Согласно мнению другого исследователя детства [7], в эту концепцию можно

внести небольшую поправку, которая заключается в том, чтобы охарактеризовать шесть режимов воспитания как постоянно присутствующие в человеческом обществе практики, адаптируемые к историческим, социальным и культурным условиям. Эта схема также актуальна при описании современных стилей воспитания и образования.

По мнению некоторых исследователей, в условиях современного существования способность жить с нашими детьми во взаимности является одним из самых важных навыков, развитие которого неразрывно связано с возможностями «взрослого» познавать самого себя [4, р. 44–60]. Возникновение идеи диалектического развития ребенка и взрослого можно рассматривать как необходимую предпосылку появления диалогических форм общения, воспитания и образования, основанных на «эмпатической реакции» и герменевтике детства, ведущей к «слиянию горизонтов» (Х.-Г. Гадамер, П. Рикер) ребенка и взрослого.

Заключение. Исторические изменения отношений «взрослый-ребенок» напрямую связаны с атрибутивными представлениями взрослых о природе и характере детей, их ожиданиями относительно поведения и ценностей ребенка. Смена исторических форм отношений «взрослый-ребенок» зависит от скорости психогенной эволюции взрослого человека, в соответствии с которой он формирует изменяющиеся со временем ценности и убеждения, организует жизненное пространство совместного проживания с ребенком. Историческая запись этих отношений позволяет конструировать историю детства, рассказ о представлениях и фантазиях взрослых, реконструкция которых может показать направление последующих исследований феномена детства, вследствие чего будут формироваться новые стратегии воспитания и образования, методы формирования ценностей.

Список использованных источников:

- 1 Демоз, Л. Психоистория / Л. Демоз. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 2000. – 509 с.
- 2 Элиас, Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования: в 2-х т. / Н. Элиас. – М.: Университетская книга, 2001. – Т 1. – 332 с.
- 3 Aries, P. Centuries of Childhood: A Social History of Family Life. New York: Knopf, 1962. 304 pp.
- 4 Kennedy, D. The Hermeneutics of Childhood. Philosophy Today. 35(4). P. 44–60.
- 5 Lyotard, J.F., & Laroche, G. That Which Resists, After All // Philosophy Today. Vol. 36 (4). p. 402–427.
- 6 Ong, W. Orality and Literacy: The Technologizing of the Word. New York: Methuen, 1982. 197 pp.
- 7 Petschauer, P. The Childrearing Modes in Flux: An Historian's Reflections // The Journal of Psychohistory. Vol. 17(1). P. 1–41.
- 8 Plotz, B. The Perpetual Messiah: Romanticism, Childhood, and the Paradoxes of Human Development // Liberated Children. New York: Psychohistory Press. P. 63–96.
- 9 Postman, N. The Disappearance of Childhood. New York: Delacorte. 177 pp.

УДК 378

ПОДГОТОВЛЕННОСТЬ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Д.А. Зеленова

Ярославль, ФГБОУ ВО ЯГПУ имени К.Д.Ушинского

(e-mail: dasha-myakotina@mail.ru)

Аннотация. В статье анализируются некоторые показатели подготовленности студентов выпускного курса педагогического университета к профессиональной деятельности, что позволяет в определенной мере оценить результаты профессиональной подготовки специалистов, откорректировать в дальнейшем образовательный процесс